

УДК 821.161.1-3-93

О ЯЗЫКЕ «СОБРАНИЯ ДЕТСКИХ ПОВЕСТЕЙ» А. С. ШИШКОВА**Т. Н. Кривко**

Московский государственный педагогический университет
кафедра общего языкознания

Статья посвящена анализу стилистически окрашенной лексики в произведениях А. С. Шишкова, адресованных детям. Автор исследования выделяет основные функции славянизмов и просторечий, а также рассматривает особенности сочетания разнородных стилистически маркированных элементов в пределах одного текста. В статье показывается, какое отражение нашли языковые взгляды А. С. Шишкова в его творчестве в области детской литературы.

Ключевые слова: *А. С. Шишков, детская литература, русский литературный язык конца XVIII века, славянизмы, просторечие.*

Развитие русского литературного языка в конце XVIII века характеризуется всё большим сближением его с общенародным разговорным, устранением жанрово-стилистических перегородок, обусловленных теорией «трёх стилей», и установлением норм книжного выражения и разговорной речи. Все эти процессы не могли не отразиться в детской литературе того периода. В силу специфики своего адресата произведения для детей менее всего вписывались в ломоносовскую систему «трёх стилей»: ведя беседу с ребёнком-читателем на страницах журнала или книги, рассказывая ему поучительную повесть, описывая происшествие «из жизни природы», автор мог пользоваться средствами высокого (крайне редко – низкого) стиля, исходя из своих дидактических и художественных целей. Производя отбор традиционных книжных и некнижных элементов языка, детский писатель – а чаще переводчик, поскольку детские издания в подавляющем большинстве были переводными, – решал главный вопрос: как передать содержание, не впадая в излишнюю книжность или простонародность. Такая задача стояла и перед А. С. Шишковым – автором самого репрезентативного (наряду с журналом Н. И. Новикова «Детское чтение для сердца и разума») издания для детей конца XVIII – начала XIX в. – «Детская библиотека» (в более поздней авторской редакции «Собрание детских повестей»).

В посвящении княгине Е. Р. Дашковой, которым открывается первое издание «Детской библиотеки» (1783–1785), Шишков пишет, что его книга «не заключает в себя ни глубокаго ученія, ни высокихъ замысловъ, ни важныхъ разсуждений, но простымъ и внятнымъ слогомъ забавляя учить дѣтей благонаравію» [1, с. 3]. Та же мысль повторяется и в «Предуведомлении» к исправленному и значительно дополненному изданию – «Собрание детских повестей» (1806–1807): «...книжка моя простымъ своимъ слогомъ увеселяла дѣтей, и наставляла ихъ въ благонаравіи; они многіе изъ ней стишки наизусть читали, и родители ихъ принимали оную благосклонно» [6].

«Простой стиль» литературного языка отличается от ломоносовского «среднего штиля» большей связью с живой речью, разговорным употреблением. В полемике с издателем «Московского Меркурия», вызванной выходом в свет «Рассуждения о старом и новом слоге российского языка», Шишков пишет: «Книжной языкъ

раздѣляется на три слога; изъ которыхъ простой есть тотъ, которымъ говорятъ въ хорошихъ обществахъ; средній есть замысловатѣе и цвѣтушее онаго, высокійже громче и величавѣе» [8, с. 432–433]. Рассмотрим, как это теоретическое положение реализуется в «Собрании детских повестей» и каким образом автор вводит в свои произведения, адресованные юным читателям, стилистически маркированную лексику – славянизмы и просторечия.

Категория славянизмов в понимании Шишкова включала в себя как генетические славянизмы (старославянизмы), так и архаические русизмы. В стихотворениях, написанных для детей, Шишков использует их прежде всего как элементы высокого слога. Насыщены славянизмами тексты стихотворений, содержание которых составляют размышления о Боге, Его всемогуществе и благодати, красоте и величии созданного Им мира: *чело, ночь, колико, очеса, крины, мразы, въ десницѣ, возвержемъ, се, киждо, гласъ, проица, низсылаеть*, глагольные формы от *зрѣти* и т. д. Все эти книжно-славянские слова были вполне доступны для понимания юного читателя того времени – ребёнка, который начинал свое обучение чтению с церковных книг, и дети – герои стихотворений Шишкова нередко говорят высоким слогом: «Твари, жители земные, / Рцыте, рцыте, гдѣ Господь? / Благолѣпный, вѣнценосный, / Кроткій духомъ, всеблагій, / Милосердія источникъ, / Общій нашъ отецъ, Создатель, / Рцыте, рцыте, гдѣ есть Онъ?» («Утренняя Николашина песенка») [7, с. 300].

Шишков включает славянизмы в тексты, содержащие высокий предмет речи. Например, в стихотворении «Умирающее двенадцатилетнее дитя» читаем: «Увидя Лиза мать **стеняшу** / Послѣдни силы собрала, / И рѣчь **простерши** къ ней дрожащу / Прерывнымъ голосомъ **рекла...**» [Там же, с. 203] Отдельные славянизмы и церковно-библейские выражения встречаются в контекстах, описывающих благородные и самоотверженные поступки. Они служат для выражения сильных чувств, связанных со смертельной опасностью, мольбой о спасении, благодарностью. Вот один из примеров: «...сила уstraшенной любви сыновней была такъ велика, что вдругъ **отверзла гортань** его и онъ **провозгласиль**: – “воинъ! что ты дѣлаешь? это Крезь!”» («Сила детской любви») [Там же, с. 298].

В стихотворениях Шишкова славянизмы, в частности фонетические неполногласные дублеты, используются в качестве средств условно-поэтической речи: «**Хладный** растаяль и снѣгъ ужъ и ледъ» («Весенняя песенка») [Там же, с. 226]; «Приди нашъ Маюшка **драгой**, / Приди, ребятокъ насъ утѣшь» («Желание чтоб пришла весна») [Там же, с. 58]. Первая строфа стихотворения «Летняя по утру песенка», написанная от лица ребёнка, соответствует типичному образцу поэзии для взрослых:

По краткой и пріятной ночи
Мои **отверзлись** снова **очи**,
Се паки пѣсенку свою,
Природы красотамъ дивяся,
Умомъ и сердцемъ веселяся,
Въ восторгѣ сладкомъ я пою [Там же, с. 218].

Однако довольно часто славянизмы в текстах Шишкова являются всего лишь привычными средствами книжного выражения и не имеют особой стилистической окраски, например: «Послушайте дѣти, даже и звѣри благодарны бываютъ своимъ благодѣтелямъ, то **кольми паче** намъ таковыми быть надлежитъ. Они любятъ своихъ господъ и бываютъ имъ преданы и вѣрны, **токмо** одинъ родъ болѣе другаго» («Верная собака») [Там же, с. 34].

В некоторых стихотворениях и баснях Шишкова намечается ещё одна функция славянизмов – создавать иронический подтекст. В басне «Угорь и змея» Змея, гордясь своей красотой, обращается к Угрю возвышенным слогом: «Главу имѣя гор-

до **вознесенну**, / **Въшала** угрю такъ змѣя: / Взглянико угрь, не чудналь красота моя? / Видалъ ли кожу ты **толико изпещренну?**» [Там же, с. 400]. На это Угорь посрамляет её, отвечая низким слогом: «И пеструю твою кто лишь увидить кожу, / **Во всю** тотъ **мочь** / Бѣжить скорѣ прочь, / **Отворотивши рожу**» [Там же, с. 401].

Вводя в сниженный контекст аллюзию церковно-библейского выражения *стопы моя направи по словеси Твоемъ; и да не обладает мною всякое беззаконіе* (Пс. 118: 133; эти стихи включены также в состав молитв 1-го часа), Шишков придаёт словосочетанию *направиль ноги* в стихотворении «Наташа» ироническое звучание:

Петруша самъ не въдалъ много,
За что бранить за это мать.
И не судя объ этомъ строго,
Направиль ноги вновь скакать [Там же, с. 253].

В басне «Собака с куском мяса», в описании переплывающей реку собаки, просматривается аллюзия ирмоса песни 1-й канона «Волною морскою...» («Волною морскою Скрывшаго древле гонителя мучителя...»): «Мечтаетъ повара съ дубиной за собою, / Но то не поварь былъ, а страхъ, / Преступниковъ гонитель, / И къ ихъ мученію въ сердцахъ ихъ вѣчный житель» [Там же, с. 325]. В этом фрагменте несоответствие высокого (реминисценция) и низкого (предмет изображения) усиливает авторскую иронию.

Таким образом, в своём творчестве для детей Шишков прибегает к высокой экспрессии славянизмов в произведениях различных жанров, когда ведёт речь о тех предметах, которые он считает особенно важными, существенными. На страницах «Собрания детских повестей» славянизмы выступают в функции поэтизмов, а в сочетании с разговорными и просторечными словами становятся средством иронии.

Язык «Собрания детских повестей» соответствует их тематике: названия реалий детского быта, игр (*гулячки, фанты, жмурки, снѣжки*), элементы бытовой речи вполне естественно входят в тексты произведений. Новаторство Шишкова состоит в том, что в его поэзии для детей впервые в русской литературе зазвучал голос ребёнка, отражающий детское мировосприятие, при этом автор использует преимущественно общеразговорную лексику. Многие строфы, лишённые архаических книжных элементов, до сих пор звучат достаточно современно, например: «Пусть изнѣженно дитя / Толстой шубой давить тѣло, / Я не кутая себя / По снѣгамъ шагаю смѣло» («Андрюшина похвала зиме») [Там же, с. 307]. Или: «Радуйся корабль стремяся, / Воду на двое дѣля: / Скоро съ мачты веселяся / Закричитъ матрозъ: земля!» («Песня юного мореплавателя по утишении бури») [Там же, с. 395].

Ряд стихотворений из «Собрания детских повестей» по ритму и лексике перекликается с малыми жанрами детского фольклора: колыбельными, считалками, заличками, потешками. Яркий пример тому – «Николашина похвала зимним утехам»:

Ну! везите:
ѣдемъ въ Питерь.
Я пусть кучерь,
Вы лошадки
Рѣзвоноги –
Прочь съ дороги!
Держи право!
Ай ребятки!
Ну ужъ bravo! [Там же, с. 144]

В народной словесности, так же как и в церковных книгах, Шишков видел источник поэзии и красноречия [5, с. 50]. В своей книге «Разговоры о словесности»

он отмечает такую особенность языка произведений устного народного творчества, как использование слов с уменьшительно-ласкательными суффиксами, и пишет: «По свойству языка нашего уменьшительныя имена не одно умаление значать, но также красоту вещи, или просто учтивость и ласку.<...> Сие свойство языка почерпнуто из самой природы; ибо какъ всѣмъ великимъ вещамъ свойственно возбуждать въ насъ удивленіе и страхъ, а всѣмъ малымъ привлекать къ себѣ нашу любовь и жалость, то и весьма естественно, что мы въ уменьшительныхъ именахъ понятіе о малости сопрягаемъ съ понятіемъ о красотѣ или пригожествѣ, отъ котораго естественнымъ же образомъ рождается учтивость и ласка» (курсив А.С. Шишкова. – Т.К.) [5, с. 81–82]. В «Собрании детских повестей» есть немало стихотворных произведений, написанных в духе народной песенной традиции, в которых автор использует слова с уменьшительно-ласкательными суффиксами, например: «**Фіялочка въ лѣсочкѣ** / Не въ пышности была, / При терновомъ **кусточкѣ** / **Смирнехонько** цвѣла» («Фиялка и терновый куст») [7, с. 101].

Просторечные элементы в произведениях Шишкова выполняет характерологическую функцию. В пьесе «Резвый мальчик» речь деревенского мальчика Федотки передается следующим образом: «Чаму дивитца, бояринь? **бачка** мой цасто мнѣ **баить** “живи правдою, не завидуй чужому, и помни всегда эту **прибабудку**: тотъ не богатъ, у ково много палатъ: а тотъ не убогъ, ково любить Богъ”» [Там же, с. 133]. Как можно заметить, автор имитирует простонародную речь персонажа не столько на уровне лексики, сколько фонетически.

В песенках для детей просторечная лексика также является средством стилизации народной речи. Так, в стихотворении «Детские забавы» используются просторечия *колобродимъ, кропочеть, инъ, ей ей, повесимъ носки* (от *повесить нос*), вводное слово *знать* и др.: «Мы бродимъ и ходимъ / Въ лѣсу по кустамъ, / **Шалимъ, колобродимъ** / И рѣзвимся тамъ» («Детские забавы») [Там же, с. 74]. Глагол *колобродить* «Словарь Академии Российской» 1789–1794 гг. (САР₁) помечает как простонародное слово: «Говорится большею частію о упившихся, которые шалить, дѣлають и говорятъ непристойное. *Онъ всегда колобродитъ, какъ скоро попадетъ ему въ голову*» [3, с. 332]. В приведенном выше примере *колобродить* употребляется в значении ‘шумно себя вести’.

Разговорная и просторечная лексика в диалогах персонажей произведений Шишкова способствует передаче живой речи: «ну Тимоша! я тебѣ много разъ говориль, не будь такой **рохля**» («Худые следствия неопрятности») [7, с. 158]; «Не ужлижъ ему самому **обжираться** спаржею» («Разговор в саду») [Там же, с. 241]; «Ахъ, матушка! какіе плоды Богъ намъ пожаловаль! <...> Такъ, душа моя, сказала мать, а помнишь ли ты **оногдась** чуть было на него не подосадовала за то, что онъ намъ ихъ даруетъ» («Надлежит быть довольну всем тем, что усталила природа») [Там же, с. 171]; «Они наругались надъ Нимъ, а Онъ, **умираючи**, говорилъ: Отче! помилуй ихъ, они не вѣдаютъ что творять» («Раскаяние») [Там же, с. 98]. Нередко просторечия встречаются и в авторском повествовании: *вытаращила глаза, пырять, треснулся* ‘ударился’, *дотащиться* ‘медленно, с трудом дойти’, *суцая язва, не пужлива* и др. Так, в стихотворении «Власть над самим собою» Шишков использует прилагательное *совокъ* от *совкій* («Тотъ, который безъ разбору во все мѣшается, за все принимается») [4, с. 993]: «Въ играхъ, гдѣ бѣгають, онъ былъ не очень **совокъ**; / Ловить другихъ неловокъ» [7, с. 347].

Существительное *дура* употребляется в качестве экспрессивной авторской оценки персонажа басни, что характерно для языка произведений этого жанра конца XVIII в.: «Тотчасъ сѣдло, подпруги, стремя, / Кульки, мѣшки и всякое беремя / С осла долой, / Везти домой, / Взвалили на лошадь, на горду эту **дуру**, / И сверхъ того еще ослу шкуру» («Осел и лошадь») [Там же, с. 343].

Грубая и бранная лексика: *дрянь, чортъ побери, драть горло* – встречается только в словах отрицательных персонажей, таких, например, как «спѣсивый, изнѣженный, празднолюбивый» богач, который проводит ночи в пиршествах и которому по утрам не даёт спать задорное пение трудолюбивого неунывающего простолудина: «Чортъ побери твою работу, / И злую горло драть охоту, / О ты проклятой шерстобой! / Ворчить богачъ сердяся мой» («Шерстобой Андрей») [Там же, с. 378].

Далеко не все слова из области просторечной лексики, которую использует Шишков в «Собрании детских повестей», имеют в САР₁ пометы «в просторечии» или «простонародное», что объясняется размытостью границ категории просторечия в конце XVIII века и отсутствием единых сложившихся норм. Как просторечные маркированы *сударь, сударыня, лаяться, обжираться, пырять, оногдась, повесить нос*, как простонародные – *блажной* ‘неспокойной, упрямой, рѣзвой’ [3, с. 216], *болтушка, боярченок, совкій, баять, колобродить, кропотать* ‘брюзжать, ворчать’. Из этого ряда слов только *болтушка, блажной, совкій, пырять* используются непосредственно в речи автора, остальные – в прямой или несобственно-прямой речи.

Следуя за Ломоносовым в его структурном делении литературного языка на три стиля, Шишков подчёркивает, что искусный сочинитель должен «... умѣть высокій Славенскій слогъ съ просторѣчивымъ Россійскимъ такъ искусно смѣшивать, чтобъ высокопарность одного изъ нихъ пріятно обнималась съ простою другою» [8, с. 14–15]. В «Собрании детских повестей» Шишков соединяет в пределах одного текста разнородные стилистические элементы в зависимости от предмета речи. Приведём в качестве примера стихотворение «Наташа». Там, где речь идёт о шалостях девочки, используется разговорная лексика и просторечия: «И какъ мужикъ она **блажной** / По стульямъ, по столамъ скакала» [7, с. 252]. Но там, где ребёнок страдает, молится, умирает, используются славянизмы: «Петруша побѣжалъ стоная. / Тоску свою онъ въ садъ понесъ, / Тамъ руки къ верьху **воздѣвая** / Онъ проситъ помощи съ небесъ» [Там же, с. 254].

В стихотворении «Петрушин ответъ» о мальчике, нашедшем финик, рассказывается в простом стиле: «Дорогой школьникъ шель / И финикъ онъ нашель: / Къ сластямъ ребята падки, / А финики **вить** сладки» [Там же, с. 96]. В самом же ответе Петруши на вопрос отца, зачем он сажает финиковую косточку, Шишков использует славянизмы, соответствующие благородной цели мальчика: «Коль время наградить мои труды, / Чего я ожидаю, / Такъ я съ того, что **нынѣ насаждаю**, / При старости **вкушу** плоды» [Там же, с. 97–98].

Значительное место в «Собрании детских повестей» занимают детские молитвы-размышления, представляющие собой непосредственный разговор ребёнка с Богом, и славянизмы вводятся в тексты этих произведений наряду с общеразговорной и просторечной лексикой, связанной с окружающим миром и повседневными занятиями детей. Герой стихотворения «Петрушины вечерние мысли» рассказывает о том, как он проводит день: «Малину, вишню ѣмъ, иль бабочекъ гоняю»; перечисляет милости, которые посылает ему Бог: «...съ пушистыми цвѣтами / Мой милой цвѣтничокъ, / Игрушечки мои, мой домикъ съ голубками, / И рѣчку и прудокъ» [Там же, с. 207].

Сочетание книжных и просторечных элементов в текстах Шишкова служит также и для актуализации авторского отношения к изображаемому, то есть «для более точного выражения мысли о предмете» [2, с. 381, 542]. Так, просторечие *крышка* (уменьшительное от *крыша*) в песне деревенского мальчика Федотки, которую его отцу написал некий грамотей, подчёркивает контраст между тем, что создано руками простого народа, и его нищенским существованием:

За разными трудами
Меня зрѣль солнца бѣгъ;

Здѣсь твердыми стѣнами
Одѣль я дикій **брегъ**,
Тамъ каменные дома
Воздвигнулъ для другихъ,
Чуть **крышку** изъ соломы
Имѣя для своихъ («Резвый мальчик») [7, с. 121].

Стихотворение «Счастливый мужик» является ярким примером гармоничного соединения просторечных слов и славянизмов. Библейское выражение *снѣдать хлеб свой в поте лица* (Быт. 3: 19) органично входит в ткань стихотворения, стилизованного под монолог православного русского крестьянина, слышащего церковные тексты за богослужением и хорошо знающего их:

Хоть хлѣбъ свой въ потѣ мы лица **снѣдаемъ**,
Но по трудахъ пріятенъ намъ покой;
Забавны пѣсни громко **воспѣваемъ**,
Какъ съ поля веселясь идемъ домой [Там же, с. 86].

В свою очередь, «славенский» глагол *воспѣвати* традиционен для русской народной песни.

Одно из лучших стихотворений Шишкова для детей – «Андрюшина похвала зиме» И в создании зимнего пейзажа, и в описании детских игр использована общеупотребительная лексика с единичными вкраплениями книжных слов, таких как *око протираетъ взоръ*, *блистаетъ*, *зрѣть*, разговорных *пузыри*, *цифири*, народно-поэтического *красно солнышко*. Шишков от лица рассказчика-ребѣнка описывает картины зимних забав: «А ребята-пузыри, / Собираясь толпами, / Пишут разны цифири / По льду гладкому коньками» [Там же, с. 307]. (Ср. с известными пушкинскими строками: «Мальчишек радостный народ / Коньками звучно режет лёд».)

Однако не всегда славянизмы и просторечные элементы в произведениях Шишкова соединяются гармонично. Так, в стихотворении «Бедный человек и его сын», описывающем благородные поступки героев и лишѣнном ироничной окраски, о мальчике, оставшемся сторожить хлеб с золотыми монетами, говорится следующим образом: «О какъ сей бѣдный стражъ на злато очи **пялилъ!**» [Там же, с. 288]. Но при этом следует отметить, что глагол *пялить* ‘смотреть широко раскрытыми глазами’ не имеет в САР₁ стилистических помет.

В «Собрании детских повестей» встречаются случаи использования разговорной и просторечной лексики, не несущей стилистической нагрузки, как это имеет место в стихотворении «Размышление во время зимней стужи»: в написанную высоким слогом последнюю строфу включѣн разговорный глагол *пособить*:

Духъ братолюбія! воспрянь,
Спѣвши, почувствуй чужду муку;
И щедрюю отверзя длань,
Дай помощи ему ты руку:
Кто медлитъ брату **пособить**,
Тотъ не достоинъ щастливъ быть [Там же, с. 85].

(Сравним это словоупотребление с репликой мальчика из рассказа «Услуги снискивают любовь»: «братцы! я потерялъ пряжку, **пособите** мнѣ ее сыскать» [Там же, с. 149].)

Итак, несмотря на то, что Шишков декларирует свою приверженность ломоносовской теории трёх стилей, использование им различных лексических средств в «Собрании детских повестей» происходит вне зависимости от жанровой принадлежности произведений, большинство из которых формально может быть отнесено

к среднему или низкому штилю, а связано непосредственно с содержанием текста и авторской экспрессией. Автор «Собрания детских повестей» стремится говорить со своим читателем «простым слогом» – то есть так, как «говорять въ хорошихъ обществахъ», но в зависимости от важности темы слог его становится «громче и величавѣе» [8, с. 433].

Список литературы

1. Кампе И.Г. Детская библиотека: в 2 ч. / пер. с нем. А.С. Шишкова. СПб.: Импер. Акад. наук, 1783–1785.
2. Камчатнов А.М. История русского литературного языка: XI – первая половина XIX века. М.: Академия, 2005. 688 с.
3. Словарь Академии Российской. 1789–1794: в 6 т. Т. 1: А–В. М.: МГИ им. Е.Р. Дашковой, 2001. 688 с.
4. Словарь Академии Российской. 1789–1794: в 6 т. Т. 5: Р–С. М.: МГИ им. Е.Р. Дашковой, 2005. 704 с.
5. Шишков А.С. Разговоры о словесности между двумя лицами Аз и Буки. СПб.: Тип. Ивана Глазунова, 1811. 71 с.
6. Шишков А.С. Собрание детских повестей: в 2 ч. / А.Ш.; пер. А.С. Шишкова. СПб.: Морск. тип., 1806–1807.
7. Шишков А.С. Собр. соч. и переводов адмирала Шишкова: в 17 ч. Ч. 1: Собрание детских повестей. СПб.: Тип. Императорской Рос. Академии, 1818. 403 с.
8. Шишков А.С. Собр. соч. и переводов адмирала Шишкова: в 17 ч. Ч. 2. СПб.: Тип. Императорской Рос. Академии, 1824. 466 с.

ABOUT THE LANGUAGE OF “THE COLLECTION OF CHILDREN’S STORIES” BY A.S. SHISHKOV

T. N. Krivko

Moscow State Pedagogical University
the Department of General Linguistics

The article analyzes stylistically coloured vocabulary in A. S. Shishkov’s works meant for children. The author of the research identifies the basic functions of Slavonic lexemes and vernacular vocabulary, considering the peculiarities of combination of various stylistically marked elements within one text. The article shows how A.S. Shishkov’s linguistic views affected his creative work in the field of children’s literature.

Keywords: *A. S. Shishkov, children’s literature, Russian literary language of the late 18th century, Slavonic adoptions, vernacular.*

Об авторе:

КРИВКО Татьяна Николаевна – аспирантка кафедры общего языкознания Московского педагогического государственного университета (119435, Москва, ул. М. Пироговская, 1), e-mail: minimalemail@gmail.com.

About the author:

KRIVKO Tatyana Nikolaevna – Postgraduate Student of the Department of General Linguistics, Moscow State Pedagogical University (119435, Moscow, M. Pirogovskaya str., 1), e-mail: minimalemail@gmail.com.